

Митрополит Иларион: Для человека естественно любить свое Отечество

5 июля 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стала доктор исторических наук, политолог Наталья Нарочницкая.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о патриотизме и о любви к Отечеству. У меня в гостях – доктор исторических наук, политолог Наталья Нарочницкая.

Н. Нарочницкая: Здравствуйте, Владыка! Спасибо. Мне еще в советское время казалось, что Отечество и государство – не совсем тождественные понятия, хотя на каждом историческом этапе государство представляет Отечество – прежде всего, на международной арене. Но государство – это политический институт, созданный нами, со всеми нашими грехами, и вообще, «неча на зеркало пенять, коли рожа крива», как говорят. Это плод творения человеческих рук, поэтому оно не может быть совершенным. Ни одно государство не было совершенным. А Отечество – это Божий дар, который нам дан для постоянного исторического делания. На этом пути неизбежны взлеты, падения, искания, заблуждения. Человек, чувствующий жгучую сопричастность не только к сегодняшнему государству, которое может не нравиться, но и ко всей истории Отечества, его будущему, прошлому, - никогда не отречется от него. Он может уйти в свою скорлупу, испытывать скепсис по отношению к каким-то явлениям государственной жизни, но, тем не менее, он верен своему Отечеству.

Когда мне было шесть лет, я увидела на Гоголевском бульваре плакат времен войны «Защити социалистическое отечество!» и спросила своего отца: а почему тут написано «защитим социалистическое»? Какая разница, какое оно? Если бы на нас немцы до революции напали, разве мы точно так же не защищались? Почему же сейчас нас учат, что если ты разочарован в политике государства, то презирай свое Отечество, презирай его флаг?

Митрополит Иларион: Сегодня мы живем в несколько иной реальности, чем тридцать или сорок лет назад. Мы живем в таком мире, где границы стираются и исчезают. В этом, конечно, есть свои плюсы: например, мы можем легко переместиться из одной страны в другую. Есть люди, которые живут на две или три страны. И, в общем, это нормально, если оправдывается какими-то профессиональными, семейными или экономическими соображениями. Любовь к Отечеству подобна любви к семье, к родному дому. Она присуща человеку в такой степени, что если мы

родились и провели детство в каком-то месте, а потом оттуда уехали, то и тридцать, и сорок лет спустя это место будет нам сниться по ночам. Родина настолько входит в нашу память, что не может быть оттуда изгнана никакими средствами. Для человека естественно любить свое Отечество. Мы видим удивительные примеры: представители русской эмиграции жили десятилетиями на чужбине, но при этом говорили по-русски, старались обучать своих детей русскому языку. Некоторые из них даже отказывались получать иностранные паспорта.

Н. Нарочницкая: Известно огромное количество случаев, когда эмигранты жили по так называемым «нансеновским паспортам», которые не позволяли занимать определенные должности.

Митрополит Иларион: Люди жили с этими паспортами вплоть до 2000-х годов, чтобы не брать чужое гражданство, надеясь, что они вернут себе гражданство российское.

Н. Нарочницкая: Готовясь к этой передаче, я нашла в интернете интервью одной моей давней знакомой. Она руководитель союза русских обществ в Швеции. Ее спросили, является ли любовь к Отечеству «гирей», мешающей человеку интегрироваться в новую жизнь. И она ответила, что это никакая не гиря, а напротив – источник вдохновения, эмоций и социальной энергии. Оказавшись за пределами своего Отечества, начинаешь еще больше любить его.

Сейчас существует много организаций соотечественников, и возникли новые реалии. В 90-е годы трудно было представить, чтобы в рамках одной и той же организации успешный бизнесмен, выращивающий тюльпаны где-нибудь в Голландии, рассуждал на одни и те же темы с русскими, которые борются за свои права в Латвии. Жизнь на чужбине позволяет обострённо воспринять, какая великая ценность – иметь дом в том месте, где родились твои деды и прадеды. Русские эмигранты – солдаты и офицеры, оказавшись после революции в русском экспедиционном корпусе, настояли на том, чтобы в этой воинской части был русский флаг. Кайзеровская Германия из-за этого не признавала за ними статус военнопленных – ведь Россия уже вышла из войны. Они подлежали расстрелу, но для них честь России была дороже. Люди совершали настоящие подвиги из любви к Родине! Сегодня безбожие, приземленная философия отношения к жизни потихоньку разрушает эту любовь.

Человека отличает от животного готовность к самопожертвованию. Я думаю, что Адам бы не выжил, если бы у него не было иных ценностей кроме инстинкта самосохранения. Любой тигр разорвал бы его. Возможность встать выше природы когтей и клыков и сделала человека способным отдавать жизнь за веру, Отечество, честь, долг, любовь, дружбу, достоинство. Если все это разрушается вместе с оскудением веры, то потихоньку подвергается эрозии само понятие Отечества.

Митрополит Иларион: Очень важно, что любовь к Отечеству связана с тем, что я определяю как «мое». В узком смысле я могу определять как мое то, чем я непосредственно владею, – допустим, квартиру и ее содержимое. В более широком смысле я воспринимаю как мое мой город. Этот город имеет для меня особое значение не потому, что он красивее других, а потому, что он для меня родной. Он связан с моим детством, с какими-то эмоциональными переживаниями. Затем – моя страна. Мы не навязываем себе это понятие – оно нам дано Богом. Мы родились в этой стране, и мы естественным образом любим ее – как ребенок любит свою мать. Это очень глубокое чувство.

В русской литературе, в русской поэзии есть удивительные примеры того, как любовь к Отечеству описывается с использованием очень простых и при этом неожиданных образов. Обратимся, например, к творчеству Марины Цветаевой. Она прожила поистине страшную жизнь: много лет находилась на чужбине, а вернувшись на родину, не смогла найти себя и, в конце концов, покончила с собой. У нее есть такое стихотворение: «Тоска по родине! Давно/ Разоблаченная морока!/ Мне совершенно все равно/ – Где совершенно одинокой/ Быть...». Она описывает чувство полного одиночества, оторванности от Родины, говорит при этом, что ей как бы все равно, есть Родина или нет. Это стихотворение заканчивается словами: «Но если по дороге – куст/ Встает, особенно – рябина...». А дальше – многоточие. И ты понимаешь, что в этом кусте рябины заключен образ глубокой, эмоциональной, сильной любви к Отечеству, которую невозможно изгнать из сердца человека. Патриотизм никогда не должен превращаться в триумфализм, в какую-то идеологию. Мы не должны говорить, что наше Отечество лучше других – мы должны помогать нашим детям чувствовать себя детьми своего Отечества, любить свое Отечество. Даже если они живут на чужбине. Сегодня есть много людей, которые по тем или иным соображениям живут за границей, но которые трудятся для своей страны.

Н. Нарочницкая: Есть еще одна проблема. Сегодня усиленно заменяют слово «русский» на слово «россиянин». А я сторонница того, что мы заслужили более сложное отношение к этим ипостасям. Россиянин – это гражданин России. Это совершенно неплохой термин. Он появился на волне отторжения термина «советский», возникшего в коммунистический период и относившегося ко всему нашему Отечеству. Как россияне мы являемся гражданами России: мы совершенствуем наши государственные структуры, боремся за пенсии, равные права. Но кто создает неповторимые произведения, неуловимое сочетание веры, этнического образа, привычек, поведенческих норм, того, как мы ведем себя на похоронах, свадьбах, кто создает культуру? Разве Пушкин и Толстой были всемирными гениями, если бы они не были, прежде всего, национальными гениями?

Митрополит Иларион: Мы должны помнить, что Россия – это дом не только для русских, а для многих национальностей. Разные нации, разные этносы в России на протяжении веков жили и,

надеюсь, будут жить в мире и согласии. Очень важно сказать, что русскому человеку всегда была свойственна способность жить вместе с представителями других наций, других народностей. Россия создавалась на протяжении веков именно как многонациональное государство. Это очень опасная тенденция, когда начинают говорить: «Давайте оставим Москву для москвичей – здесь слишком много приезжих, давайте выгоним так называемых гастарбайтеров». В этом кроется большая опасность, потому что представители русского народа как бы теряют способность принимать других людей. Они начинают чувствовать себя уязвимыми. Они чувствуют угрозу в том, что кто-то может прийти и посягнуть на их Отечество. Это уже не истинный, а ложный патриотизм. Это, по сути дела, эгоистическое стремление оставить свое Отечество только для себя, закрыв его для тех, кто пожелает считать его и своим домом.

Н. Нароцничкая: Безусловно, это так, но есть еще один аспект. Ведь мы видим в русской среде такие настроения не из-за гипертрофированной пропаганды русскости, а, наоборот, из-за многолетнего подавления национального чувства как чего-то архаичного, которое интеллигентному человеку вообще не должно быть свойственно. И тогда задавленное, но естественное чувство любви к Отечеству, о котором Вы так замечательно сказали, под этим гнетом начинает гнить и сводится к зоологической идеологии «свой-чужой», которая никогда не была свойственна русскому православному человеку. Иначе бы он не создал государство, в котором объединились десятки, сотни народов, сохранивших свою самобытность.

Такую же угрозу я наблюдаю в Европе. Я понимаю тех, кто возмущается тем, что происходит это замещение. Но главная угроза – это не количество мигрантов, а то, что мы теряем русскость, что мы отказываемся от веры, от чувства Отечества. Если бы мы были такими же, как наши предки, то мигранты вели бы себя уважительно, как гости, и они были бы для нас дорогими гостями. Такая же ситуация сложилась, например, и во Франции. Жарят шашлык у Нотр-Дам-де-Пари только потому, что очень мало осталось французов, для которых это не просто архитектурный памятник X-XI века, а святыня. Именно в этом, а не в количестве мигрантов заключается главная угроза национальной идентичности. Поведение мигрантов должно было бы автоматически регулироваться тем, как сами русские относятся к своим святыням.

Митрополит Иларион: Спасибо Вам, Наталья Алексеевна. Вы сказали очень правильные, очень точные и очень глубокие слова, которые созвучны тому, что мы говорим людям, в том числе в проповедях. Я хотел бы, чтобы наш разговор нашел отклик в сердцах телезрителей. Надеюсь еще не раз увидеть Вас в этой студии.

Служба коммуникации ОВЦС